

дования мы говорим именно о языковой специфике, а поэтому и о смысловом отражении мы говорим как о смысловом отражении именно в ч е л о в е ч е с к о м сознании. Поэтому и выдвигаемый нами здесь тезис о языковом знаке как об отражении в человеческом сознании имеет совсем другое содержание. Для специфики языкового знака нужен именно человек, потому что только человек обладает языком. Поэтому и термины «смысл», «смысловой», «значение», «отражение» имеют в настоящей нашей работе гораздо более узкий и гораздо более определенный характер.

3. Сознание и мышление

Сознание и мышление обычно различаются весьма слабо, и когда говорят об отражении действительности в человеческом сознании, то сознание это понимается довольно расплывчато, потому что в таком сознании, собственно говоря, имеется в виду не только сознание, но и мышление. Конечно, во многих философских и языковедческих вопросах можно и не придавать большого значения этому различию обеих сфер человеческого субъекта. Отчасти это проскальзывало и у нас, как раз именно в таких нейтральных областях, где имеет одинаковый смысл говорить и о сознании и о мышлении. Сейчас, однако, мы подошли к тому пункту нашего исследования, где как раз это различие является весьма важным.

Когда мы говорим просто о человеческом с о з н а н и и, мы имеем в виду не только смысловое отражение в человеческом субъекте той или иной объективной реальности, но скорее говорим о ее воспроизведении, при котором человек начинает отличать объективную реальность и свое воспроизведение этой реальности, отдавая себе отчет, что это именно он воспроизвел данную объективную реальность, что сам он — это одно, а объективная реальность — это совсем другое. Человек уже соотнес себя с самим же собою, т. е. понял, что он есть именно он, а не что-нибудь другое и что в своем воспроизведении объективной реальности он именно понял самый факт этого воспроизведения. Для этого тоже необходимо свое творчество. И такое воспроизведение объективной реальности является творческим уже по одному тому, что уже человек, создавая себя как некое самостоятельное «я», затратил свои усилия, пусть хотя бы и очень малые, которые необходимы для этого субъективного воспроизведения объективной реальности.

Совсем другое дело человеческое м ы ш л е н и е. Ведь мыслить не значит просто воспроизводить, хотя бы это воспроизведение сопровождалось переживанием самого факта его существования. Мыслить — это значит различать и отождествлять, находить противоположности и противоречия, разрешать эти противоречия и тем самым ставить те или иные проблемы и т. п. Попросту говоря, мыслить — это не значит просто воспроизводить действительность, но еще ее и анализировать, в ней разбираться, находить в ней причины и следствия, приводить ее в систему. В этом смысле сознание пока еще в своем преимущественном качестве является чем-то хаотичным и случайным, в то время как мышление заменяет эту хаотическую случайность понятийно продуманной системой.

Спрашивается: если язык есть специально человеческое явление, то можно ли понимать его только в виде отражения действительности или он является также еще и орудием ее обработки, инструментом ее понимания и методом ее творческой переработки, творческого ее понимания и ее самостоятельной, и притом систематической интерпретацией? Это понимание действительности и эту ее интерпретацию мы имели уже на стадии человеческого сознания. Не наступил ли сейчас момент заговорить именно о м ы с л и т е л ь н о й переработке действительности при помощи языка и о языке как о мыслительном интерпретирующе-смысловом творчестве? Но тут мы как раз и должны ввести тот новый термин, который отсутствовал у нас при анализе языка как формы отражения действитель-